

6+

Павел Мухоморов

Десять жизней
кота и кошки Мани

Павел Мухортов

Девять жизней кота и кошки Мани

«Издательские решения»

Мухортов П.

Девять жизней кота и кошки Мани / П. Мухортов —
«Издательские решения»,

Говорят, у кошек девять жизней. Правда это или нет — знает старый дворовый кот Маня. Он почти двадцать лет живёт в Петербурге, знает всех соседей, любит их, и они отвечают ему тем же. А ещё Маня помнит то, что обычно стирается: вереницу своих прежних жизней. Из этих коротких, почти невесомых глав складывается история о любви, которая не умирает, о верности и умении ждать. Тихая, тёплая, после которой вдруг начинаешь верить, что старые друзья не исчезают — они просто приходят в другом обличье.

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1.	9
Глава 2.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Девять жизней кота и кошки Мани

Павел Мухортов

Редактор Ирина Суздалева

Корректор Галина Кривицкая

Иллюстрации ChatGPT

© Павел Мухортов, 2026

ISBN 978-5-0070-0643-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

В книге «Открытия самому себе», написанной Владимиром Бамбуровым — моим товарищем и тренером по боксу моего сына, есть его четверостишие:

*Может, собаки умеют молиться,
Может, умеют мечтать,
Может, им тоже, бывает, снится,
Что они могут летать!*

Мне оно очень понравилось. И я не сомневаюсь — умеют и могут! У меня всегда в доме жили собаки и кошки, и я давно научился понимать этих животных и их язык. А наблюдая, как они во сне иногда поскуливают или начинают тихо лаять, или учащенно дышать и дергать лапами, словно гонятся за кем-то, точно знаю, что сны им снятся. И что они мечтают о скорой встрече с нами, веселой прогулке и вкусном ужине, садясь задолго до нашего возвращения домой у двери или на окно, чтобы видеть вход в подъезд, в ожидании любимого человека, предчувствуя наш приход заранее. Только они умеют так ждать, искренне радоваться нам, словно не видели нас не час или день, а год. Да, и, конечно, они всегда молятся на своих хозяев и любят нас просто так, просто за то, что мы есть. И поэтому сразу у меня в голове родилось такое дополнение:

*Поверьте, и кошки умеют молиться,
И даже умеют мечтать,
И так же, как нам, им тоже снится,
Что они могут летать!*

Почему о кошках? Так сложилось: недавно я случайно узнал удивительную историю от одной дворовой петербургской кошки. Она не бездомная. Она любимица всех жителей большого дома, который в полном ее распоряжении: и чердак, и подвал, и подъезд, который здесь называют парадной. И она здесь хозяйка и защитница от вредных грызунов, и добрая соседка. И до того, пока не услышал ее рассказ, я как-то не придавал особого значения некоторым фактам. Например, тому, что 1 марта в России отмечают неофициальный День кошки. Для жителей Санкт-Петербурга эти животные имеют особое значение: ценой своих жизней они спасли много ленинградцев от голодной смерти. Уже зимой 1941 года в городе не осталось почти ни одного кота... А еще, после того как их начали массово завозить в блокадный Ленинград с весны 1943-го, спасли город от нашествия крыс. Город, где гениальные архитекторы, словно предвидя будущее, символично украсили набережные, дома и мосты львами. Кошки, конечно, существа поменьше размером, но с таким же бесстрашным и большим сердцем...

Вот эта история от первого лица, как я ее запомнил.

Глава 1. Кот-кошка Маня

На самом деле я кот — обычный, дымчатый, черный, но с белыми стрелками в виде перышек на носу и лбу, белым треугольником-фартуком на груди и белой полоской к животу, словно на мне галстук, и белыми кончиками лап. Родился здесь, в подвале старинного дома в центре очень уютного для нас, кошек, города Санкт-Петербурга. Но люди как-то не разобрались сразу, кот я или кошка, и назвали меня Маней. Так и откликаюсь на это имя уже почти 20 лет. Парадная, как здесь называют подъезд пятиэтажки, — мой дом, и тут я хозяин и слежу за порядком, а все жильцы здесь мои подопечные и друзья. Я знаю всех, люблю, оберегаю их от мышей, а они любят меня и прислуживают мне. Вот надо мне выйти во двор, я спускаюсь с кем-то на первый этаж, и мне открывают дверь. Я схожу в сад по своим делам, пообщаюсь с другими котами: нас здесь много, и у всех есть своя парадная или место в подвале, и все мы похожи: в основном, черные с белыми пятнами.

Когда нужно обратно, я дождусь того, кто возвращается. И всегда провожу человека до двери его квартиры. Обычно не зря поднимаюсь. Знаю, что всегда меня чем-то угостят. Вот старушка с четвертого этажа, ей тяжело уже идти к себе пешком, и она поедет на лифте. В лифт я заходить опасаясь, слишком там тесно. Я бегу по лестничным пролетам и встречаю ее наверху. Она мне ласково рассказывает, куда ходила, что купила, иногда чешет спину, а потом скрывается в квартире. Но через минуту выходит и угощает меня печеночным паштетом или кусочками сосиски. А еще к ней несколько раз в году приезжает откуда-то издалека ее сын. Он мне очень нравится, такой добрый. Я даже его полюбил и всегда знаю за несколько дней, когда он появится. У него такие теплые руки, которые гладят меня по несколько минут. А еще в те дни, пока он гостит, из квартиры идут вкусные запахи, и мне несколько раз в день выносят лакомства. Весной мне особенно нравится корюшка...

Но все же теплые ласковые руки гораздо желаннее даже кусочков вкусной еды. Добро, излучаемое человеком, согревает сильнее летнего солнышка. От женщины этажом ниже исходит столько тепла, что я всегда бегу к ней и трусь о ее ноги. Она обычно наливает мне молока или сметаны в крышку из-под банки. Тоже вкусно, но печенку я люблю больше. А еще у меня всегда стоит миска с чистой водой и сухим кормом на втором этаже, но его я ем без удовольствия, просто чтобы не обижать мальчишку, который заботливо насыпает его каждое утро.

В квартиры я не вхожу, опасаясь, вдруг не выпустят оттуда, как тех неудачников с третьего и пятого этажей. Они целыми днями сидят в одиночестве, ждут возвращения своих хозяев. Им грустно. Я слышу, как они там тоскливо мяукают. А у меня полная свобода. И есть свое личное теплое место, даже два: настоящий мягкий домик на втором этаже и еще на последнем — большая подушка. Ее мне когда-то положил дедушка из угловой квартиры. Я тоже его очень люблю. Он частенько угощал меня необыкновенно вкусной едой, выдавливая ее из пакетика с нарисованной на нем кошкой. Я давно запомнил название этого блюда с завораживающим и неповторимым запахом. «Вискас» я очень люблю. Жаль только, дедушка им больше меня не угощает. Прошлой зимой его унесли на носилках четверо мужчин, и больше он не появлялся. И я знаю, что не появится. Хотя все еще жду его шаркающих шагов и тоску.

Я вообще узнаю всех своих жильцов по шагам, понимаю по ним, в каком настроении сегодня мои друзья. Я безошибочно чувствую людей. Как? Просто давно понял: чтобы услышать, нужны уши, чтобы увидеть, нужны глаза, а разглядеть можно только сердцем. Дедушка был таким душевным. И так хорошо, что от него мне осталась эта мягкая и теплая подушка. Если нужно выспаться, то я иду туда, наверх, где потише. И часто вижу во сне, как он выдавливает мне из пакетика ту вкуснятину. А так веселее внизу — провожать и встречать всех моих соседей.

Иногда я выхожу из арки двора на улицу. Но ненадолго — здесь вокруг суета от сотен ног прохожих, резкие пугающие звуки от машин и сплошная опасность. Но я все равно люблю свой город, потому что здесь любят нас, кошек. Тут хоть и холодно зимой, но люди никогда не закрывают лазы в подвалы, где всегда можно укрыться от ненастья и вдоволь поохотиться на мышей. Здесь есть даже памятники нам — кошкам. Один я никогда не видел, он в другой части города, но слышал, что там бронзовый кот сидит на стуле. А на два других я как раз и выхожу из двора на улицу полюбоваться. Вот золотистая Василиса прогуливается с гордо

поднятым хвостом по карнизу. Однажды она пропала на несколько дней, но затем вновь заняла свое место. Через дорогу на красивой подставке сидит в уголке Елисей, а внизу опять стоит группа туристов и кидает ему монетки. Все как всегда, все на месте, и можно возвращаться обратно во двор.

Сегодня я пойду спать не в свою парадную, а в подвал, в самый дальний и темный уголок. Я уже знаю, что завтра не проснусь. Мое время заканчивается. Мы, кошки, чувствуем это всегда заранее. И я уже знаю, что когда буду сегодня засыпать навсегда, сердце до боли будет сжимать сильная тоска по всем моим друзьям, которых больше не увижу, и у меня сами собой потекут из глаз слезы. Но вы не плачьте и не жалейте меня, ведь я еще, может, вернусь... Тогда мне так бы хотелось вновь оказаться именно здесь. Да. Ведь Петербург — самый уютный город для кошек, а петербуржцы — самые заботливые люди. Это я точно знаю, так как живу здесь не в первый раз. Да, да. Я здесь родился маленьким слепым котенком и умирал уже много раз. Я уже сбился со счета. У нас, кошек, есть такой дар или проклятие: когда мы уходим, то вдруг вспоминаем все, что было с нами раньше, все прежние жизни. И если вам интересно, то расскажу о каждой из них.

Глава 2. Первая жизнь

Скорее всего, это была моя первая жизнь. Все меня называли Граф. Я жил в огромном особняке. Там было много комнат. Двери между ними никогда не закрывались, и я свободно бегал по ним. Я вообще не выношу закрытых дверей! Зачем только они существуют? На высоких огромных окнах висели красочные шторы из очень плотной ткани. По ним было так удобно взбираться под самый потолок, а иногда и точить о них когти. А еще во многих комнатах были огромные зеркала от самого пола. Первый раз, когда я еще котенком проходил мимо и заметил, что там кто-то тоже идет, то от неожиданности даже подпрыгнул. Потом попытался напугать незнакомца, выгнув спину, чтобы стать повыше, и страшно зашипев. Он все повторял за мной. Я осторожно приблизился уже с интересом и предложением дружбы. Незнакомец не возражал, и мы быстро подружились. А потом в какой-то момент я сообразил, что это просто мое отражение. И наконец-то узнал, что я очень красивый: весь полосатый, с длинным хвостом и длинными усами. И совсем не похож на свою семью, с которой жил: ни на этих трех девочек, которые любили бросать передо мной привязанную к нитке бумажную бабочку, чтобы я гонялся за ней по комнатам, ни на их всегда строгого отца, ни на их очень добрую ко мне мать, которая любила подолгу ласково почесывать мне спину или между ушами, когда я лежал у нее на коленях. Порой, правда, я неожиданно даже для самого себя кусал ее руку до крови и убегал прочь. Почему, сам не знаю. От перевозбуждения входил в транс и не осознавал, что делаю. Но потом прибежал обратно и зализывал ее рану, понимая свою вину.

На улицу меня не выпускали. И больше всего я любил сидеть на подоконнике и смотреть на жизнь за окном. Там по реке проплывали лодки с треугольными белыми парусами, по

булыжной мостовой, слегка подпрыгивая, проезжали мимо кареты, запряженные лошадьми, по набережной прогуливались женщины в пышных платьях под зонтами, а прямо за стеклом чирикали на карнизе воробьи, которых очень хотелось схватить когтями. Инстинкт охотника у меня же в крови. Но воробьев было не достать, а вот мышей я с удовольствием ловил. Жаль только, что они крайне редко появлялись в моем доме. Я ловил их как-то уж очень быстро, и поэтому часто отпускал, чтобы тут же ловко поймать вновь. И никогда не съедал, ведь меня вкусно кормила повариха на кухне: и мясом, и молоком. В благодарность я приносил слегка придушенную добычу и клал у ее ног. Она всегда сначала отпрыгивала от шевелящегося еще зверька, а потом заметала его веником в совок и уносила из дома на улицу.

А летом меня часто увозили из города в другой огромный дом, который стоял посреди красивого леса и зеленых лужаек. Сначала меня сажали в большую коробку из-под шляп, в которой было множество отверстий, чтобы я мог дышать. И вместе со всей семьей я трясся в огромной карете с самого утра и до позднего вечера. Сначала мне очень это не нравилось, ведь больше всего я люблю свой дом, где я полный хозяин. Но новое место оказалось еще лучше. Здесь не закрывались окна. И я мог свободно, когда хочу, бегать среди цветов, ловить вдоволь кузнечиков, играть с полевками, хватая их когтями и подбрасывая вверх, лазить по деревьям.

И следующим летом уже ждал этого счастливого момента, когда все начнут бегать по дому и собирать вещи в дорогу. А я с нетерпением ходил возле дверей, напоминая о себе, чтобы не забыли, и затем вместе со всеми спешил залезть в карету первым. Но когда начиналась суeta сборов в обратный путь, и дети бегали счастливые и кричали: «Ура, завтра возвращаемся в Петербург!», я тоже ждал этого, поскольку и первый свой дом любил не меньше и боялся, чтобы меня не оставили здесь, ведь не представлял свою жизнь без своей семьи.

Вот так и летело время, темные зимние дни за окном сменялись бесконечными яркими, солнечными. Мои подружки-девчонки выросли и покидали мой дом. Сначала они радовали своим появлением довольно часто. Потом все реже. Дом погрузнел. Но потом они стали приезжать ко мне с совсем маленькими, очень крикливыми и озорными малышами, которые совсем не давали мне покоя, то таская меня за хвост, то грубо хватая и беря на руки. А грубость мы, кошки, терпеть не можем, и, если бы это были не несмышленные дети, я бы начал огрызаться и царапаться. От них приходилось убегать и стараться спрятаться. А хотелось мирно лежать на подоконнике и смотреть на то, как по реке, обгоняя друг друга, плывут лодки. Теперь только они все чаще плыли без парусов, а над ними из торчащей трубы поднимался густой черный или сизый дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.